

С.А. ФОКИНА

Украина, Одесса, Одесский национальный университет
имени И.И. Мечникова

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА ЖАНРОВУЮ МОДЕЛЬ СКАЗКИ

Изучение детской литературы в контексте доминантных проблем литературоведческой мысли наиболее последовательно и разносторонне осуществлено в работах М. Петровского («Книги нашего детства»), М. Липовецкого («Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов)»), Л. Овчинниковой («Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика»).

Вышеуказанными исследованиями формируются традиции, намечающие широкие перспективы для анализа детской литературы. Но канонического варианта понимания детской литературы и сопутствующих понятий в ряде авторитетных изданий, все же, не представлено. В значимых литературоведческих энциклопедиях под редакцией Н.Д. Тамарченко и А.Н. Николюкина соответственно, понятия «детская литература», «художественная литература для детей» и «круг детского чтения» не обозначены. При привлекательности осмысления детской литературы и в плане теоретических аспектов, и применения к материалу различных интерпретационных техник на данном этапе остается достаточно лагун.

Как уже было сказано, феномен детской литературы часто оставался вне исследовательского поиска ряда авторитетных справочных изданий. Так, в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А.Н. Николюкина выделяется лишь дефиниция «детский фольклор», доминантными чертами которого названы «отличие от фольклора взрослых», «соотнесение художественного текста с *игрой*», а также функции влияния на «внутренний мир развивающейся личности ребенка» и регулирования «социального поведения ребенка в коллективе» [2, с. 224].

В «Поэтике: словаре актуальных терминов и понятий» под редакцией Н.Д. Тамарченко при рассмотрении «Остранения» упомянут «*непосредственный детский взгляд на мир, которому чужд утилитарный смысл вещей*» [5, с. 154]. Раздел «Примитивистская поэтика» затрагивает понятие «детского письма»: «Сходными, но не тождественными свойствами (*наивного текста*. – С. Ф.) обладает ряд смежных явлений (*детское письмо, письмо девиантов, субкультурные литературы*)» [5, с. 187]. В статье «Фантастическое» акцентируется сходство детского и мифологического созна-

ний и их связи с магическим переживанием мира: «Человек... приобщается благодаря *воображению... к “магической” ментальности сновидца, первобытного дикаря и ребёнка...*» [5, с. 279].

Резюмируя приведенные данные, можно выявить факторы, наиболее ярко отражающие особенности детского сознания: игра, воспитательный процесс, непосредственность, воображение, магическое и др., которые в свою очередь определяют своеобразие детской литературы.

Обращаясь к аналитическому рассмотрению художественных произведений адресованных детям, следует выделить три ключевые понятия: детская литература, круг детского чтения и специфика художественной литературы для детей как предмет изучения литературоведения.

Понятие **детская литература** подразумевает прежде всего различные произведения, изначально предназначенные для детей, с учетом особенностей детской психологии и восприятия мира. Такой тип художественных текстов сознательно ориентирован на развитие потенциала ребенка и помощь в воспитательном процессе. Произведения, создаваемые для детской читательской аудитории, отличаются активацией познавательного, обучающего, морального, дидактического и развлекательного посыла. Детская литература направлена на расширение кругозора ребенка, развитие первоначального чувства эстетического и формирование основ для познания и понимания мира и человека в нем. Такая установка обусловлена стремлением сделать данные тексты одновременно интересными и полезными детям.

Круг детского чтения – образуют произведения различных авторов и жанров, изначально предназначенные не для детей и получившие признание в той или иной мере в рамках своей культурной эпохи. Для того, чтобы текст стал актуален в круге детского чтения он должен соответствовать в определенной степени статусу сказки, фэнтези, притчи, басни, приключенческому роману или же роману воспитания. Входить в круг детского чтения могут лирические произведения разных жанров, изначально для детской аудитории не предназначенные. Для вхождения таких произведений в круг детского чтения принципиален ряд факторов, прежде всего, наличие познавательной, дидактической и развлекательной составляющих. Важным требованием также являются принципиальное отсутствие в эксплицитном виде эротики и сцен насилия в произведениях, которые входят в круг детского чтения.

Специфика художественной литературы для детей как предмет изучения литературоведения включает в сферу осмысления произведения изначально детской литературы и те тексты, которые пополняют круг детского чтения. Приоритетным в данном подходе к изучению детской литературы и круга детского чтения становятся два важных фактора.

Первый касается перекодировок произведений мирового литературного наследия в режим адаптации детским восприятием. Второй аспект связан с противоположным механизмом включения произведений изначально детской литературы в призму литературоведческой аналитики и интерпретации. Такой подход направлен на выявление в текстах, обращенных к детской аудитории, жанровых, символических, мифологических, психоаналитических и иных скрытых коннотаций. Примечательны процессы идентификации детским сознанием сюжета и героев сказки со своей личностью. В этой связи приоритетно для изучения как влияние книги на личность ребенка, так и модификации сюжета, героев и символов детским сознанием. Чтение для ребенка, с учетом особенностей его сознания, своеобразный вид игры. Согласно мысли Й. Хёйзинги, «потребность играть становится настоящей лишь постольку, поскольку она вытекает из доставляемого игрой удовольствия» [7, с. 27]. Характерно, что о чем бы ни повествовала книга, пришедшая в круг детского чтения из магистральной литературы, детское сознание стремится выделить приключенческие и фантастические элементы, делающие чтение более интересным и увлекательным.

Любой текст для читателя-ребенка становится посредником в знакомстве с миром, своего рода энциклопедией человеческого опыта. Детское сознание воспитательными практиками ориентировано на то, что любой сюжет подобен в той или иной мере сказке. Данный факт мотивирован стремлением очерчивания пределов в акте познания, так и снятием границ в рамках воображения.

Вышеописанные показатели, отличающие детскую литературу, свидетельствуют о ее потенциальной трансгрессивности. Пограничность детского сознания активизирует коды трансгрессии. В данном плане интересна рецепция идей о трансгрессивности Ж. Батая и М. Фуко кругом ученых под руководством Л. Геллера, нашедшая отражение в статье «К определению понятия “трансгрессия”». С точки зрения, выраженной в указанной статье, трансгрессия «предполагает наличие границ, краев, пределов» [1, с. 57]. При этом именно трансгрессия «может стать своеобразным испытанием на прочность предела, необходимым для установления последнего и для формирования нормы» [1, с. 58]. Эквивалентом такого рода предела в текстах детской литературы становится высокая степень их диалогичности. В данном плане литература для детей подобна сократическому диалогу своей направленностью на выявление и объяснение некой универсалии, реализуя установку на эмоциональное участие потенциального читателя в поиске истины.

Показательными чертами рецепции детским сознанием прочитанных книг становится активация эмблематических составляющих в персонажах и сюжете. Данному процессу соответствует как упрощение восприятия

текста, иной раз доходящее до примитивизации, так и лиризация, обусловленная ориентацией детского сознания на жанр сказки. По мнению Ц. Тодорова, «волшебная сказка дает нам первичную, а также наиболее стабильную форму повествования, но именно в этих сказках мы и находим, прежде всего, сверхъестественные явления» [6, с. 130]. Дискурс сказки наравне с элементами фантастики нацелен на определенные повествовательные стратегии. Проекция детским сознанием формы повествования, присущего сказке, на текст, вошедший в круг детского чтения, может провоцировать прочтение ряда сюжетных единиц, ситуаций, героев и их поведения через призму фантастического. Этот феномен, видимо, обусловлен установкой детского сознания расценивать необъяснимое и необычное как фактор сверхъестественного. Таким образом, детское сознание становится своеобразным индикатором фантастических кодов и потенций текста, способствуя буквальному прочтению метафор и аллегорий.

Согласно наблюдениям Ю.М. Лотмана, «воздействие мифологического мышления на логическое и обратно и их конвергенция в сфере искусства» является «постоянным фактором человеческой культуры» [4, с. 732]. Более того, «в разные культурные эпохи вес каждого из типов сознания различен» [4, с. 732]. Тип сознания ребенка и обращенность текстов детской литературы в той или иной мере к жанровой модели сказки неизменно активизирует мифогенные потенции произведения.

Возможность перекодировок между мифопоэтическим и логическим становится своеобразным диалогом модусов сознания ребенка и взрослого, что отвечает и специфике сказки.

Перекодировки метафорики текста в область сказочной фантастики сопоставимы с работой правого полушария мозга, эксплицирующего показатели детского сознания, в отличие от логического левого. По замечанию В.В. Иванова, психофизиология правого полушария «часто выбирает стратегию двоичного поиска» [3, с. 444]. Ученый подчеркивает, что вышеуказанный аспект связан «с широким использованием аналогичного механизма и в символике бессознательного» [3, с. 444], а также показателен для мифопоэтического мышления. Таким образом, тексты, ориентированные на жанровую модель сказки: с притчевым компонентом, кодами аллогичности и особенной значимостью символики в ущерб логическому прочтению, потенциально апеллируют к модусу детского сознания.

Активация в сознании читателя модусов ребенка и взрослого не в последнюю очередь делает возможным переход текстов магистральной литературы в круг детского чтения. Потенциальный диалог между модусами сознания способствует различным видам понимания и интерпретации.

Изучение детской литературы и круга детского чтения, ориентированных на жанровую модель сказки, позволяет выявлять ряд знаковых составляющих культурного универсума.

Список использованной литературы

1. К определению понятия «трансгрессия» / Л. Геллер [и др.] // Семиотика скандала : сб. ст. / ред.-сост. Н. Букс. – М. : Европа, 2008. – С. 56–64.
2. Зуева, Т. В. Детский фольклор / Т. В. Зуева // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М. : Интервалк, 2001. – С. 223–224.
3. Иванов, В. В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем / В. В. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – С. 380–603.
4. Лотман, Ю. М. Литература и мифология / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб. : Искусство-СПБ, 2002. – С. 727–743.
5. Поэтика : слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко. – М. : Intrada, 2008. – С. 154, 186–187, 278–281.
6. Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров ; пер. с фр. Б. Нарумова. – М. : Дом интеллект. кн., 1999. – 144 с.
7. Хейзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова ; коммент., указ. Д. Э. Харитоновича. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.